

ТОЛЬКО АНАРХИЗМ

АНТОЛОГИЯ

СОСТАВИТЕЛЬ БОБ БЛЭК

ТОНИ ГИБСОН • ЛЕН БРЭКЕН • ФЕДЕРИК
ЙХЕР • ДЖОН ЗЕРЗАН • CRIMETHINC. •
GATE • МИШЕЛЬ ОНФРЕ • ФЕРАЛ РАНТЕР •
ДМАНЫ • ХАКИМ БЕЙ • МАЙКЛ ВЕЛЛИ •

ГИЛЕЯ

**Сборник
Боб Блэк
Только анархизм:
Антология анархистских
текстов после 1945 года**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67297023

Только анархизм: Антология анархистских текстов после 1945 года /

Сост. Б. Блэк; Гилея; Москва; 2020

ISBN 978-5-87987-125-8

Аннотация

Антология современной анархистской теории, в которую вошли тексты, отражающие её ключевые позиции с точки зрения американского постлевого анархиста Боба Блэка.

Состоит из 11 разделов, а также общего введения и заключения. Составлена специально для издательства «Гилея».

Среди авторов: Джордж Вудкок, Джон Зерзан, Мюррей Букчин, Фреди Перлман, Пьер Кластр, Персиваль и Пол Гудманы, Мишель Онфре, сам Боб Блэк, коллективы CrimethInc., Fifth Estate, Green Anarchy и мн. др.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
I. Психология	25
Вне характера и морали. К прозрачной коммуникации и гармоничной организации	30
1	30
2	30
3	31
4	32
5	33
6	34
7	36
8	36
9	37
10	38
Власть и преступность в современном государстве. Криминологический подход к проблеме власти	40
Правонарушитель как гражданин	41
Правонарушитель как эмоциональная отдушина	45
Формы терпимой преступности	50
II. Работа	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Только анархизм: Антология анархистских текстов после 1945 года Составитель Боб Блэк

Переводы для нас выполнили: Владимир Садовский (с английского – большинство текстов, включая введение и вступительные статьи к разделам),

*Степан Михайленко (с английского и французского),
Николай Охотин (с английского), Армен Арамян и
Анастасия Новикова (с французского)*

В оформлении обложки использована карикатура Алана Хардмана «Государственная машина» (1980-е гг.)

ГИЛЕЯ

© Книгоиздательство «Гилея», переводы на русский язык, 2020

Введение

В 1961 году Джордж Вудкок, лучший англоязычный историк анархизма, пришёл к выводу, что как историческое движение анархизм умер в 1939 году. Он провалился¹. 1939 год стал годом, когда последнее популярное анархистское движение – в Испании – было уничтожено. К такому же заключению пришёл и Даниэль Герен². Некогда широкие анархистские движения существовали во Франции, в Мексике, Италии и на Украине. Анархисты также временами пользовались значительным влиянием в Италии, Аргентине, Бразилии, Швейцарии, России, Китае, Японии, Великобритании, США и других странах. В период Первой мировой войны и последующее время анархистов повсюду подавляли или абсорбировали коммунисты, фашисты, нацисты и даже перонисты. Победа фашистов в Испании в 1939 году завершила разгром последнего массового революционного анархистского движения, начатый ещё коммунистами в 1937 году.

К 1961 году большая часть анархистов съежилась до небольших кучек постаревших бойцов. Некоторые из них были этническими эмигрантами (в Соединённых Штатах это итальянцы или евреи) или изолированными эксцентриками, в основном в Британии, Франции и США. Некогда вызывавший страх анархизм оказался почти забытым. Даже Вудкок,

сам бывший активный анархист в 1940-х и 1950-х годах, полагал, что хотя анархистские идеалы и не могут исчезнуть, но останутся существовать лишь как источник вдохновения³. Несколько академических учёных – а анархизм теперь был достаточно безопасен для изучения – разделяли это снисходительное мнение⁴. Революционный анархистский пыл исчез. Некоторые говорили об «анархизме без финалов»: об отказе от «утопического» идеала будущего свободного общества в пользу анархистов, тихо культивирующих анархистские персональные взаимоотношения в своих анклавах⁵.

К 1968 году Вудкок в некоторой степени поменял своё мнение. Всё ещё нигде не существовало организованного анархистского движения. Но к тому времени антивоенные демонстрации стали частыми в Западной Европе. В Соединённых Штатах это были не только антивоенные и анти-призывные движения, но и движения за гражданские права, за власть студентов, власть чёрных, за сексуальную свободу и освобождение женщин; на подходе были и другие требования. Вудкок ещё не оказался свидетелем некоторых из них, однако он заметил, что нечто происходит: что-то пусть не ярко анархистское, но однозначно анархическое⁶. С ним согласился Пол Гудман⁷. Мюррей Букчин писал об «интуитивном анархизме среди сегодняшней молодёжи»⁸.

Некоторые, я бы сказал, мягкие анархисты-интеллектуалы уже пользовались скромным успехом у широкого кру-

га американских читателей (Дуайт Макдональд, Карл Шапиро, Кеннет Рексрот, как и сам Джордж Вудкок и в особенности Пол Гудман). Но «новые левые» на своём излёте часто становились авторитаристами, о чём Гудман сокрушался в своей последней книге⁹. В начале 1970-х годов мейнстримовые издательства начали переиздавать таких анархистов, как Прудон, Бакунин, Кропоткин, Гольдман и Беркман – все они, за исключением Прудона, были уроженцами России – а историки стали публиковать новые исследования об истории анархизма в Испании, России, Мексике и других странах. Этот процесс продолжается и сейчас. Я буду цитировать многие из этих книг. Они оказались ресурсами для обновления анархизма.

Гручо Маркс в одном из фильмов братьев Маркс иронизировал, что он тяжким трудом продвинулся от ничтожества до состояния крайней нищеты. В похожем положении находился и анархизм в 1960-х годах. Ему было некуда идти, кроме как вверх (как гласит американское выражение). Он и восходил, медленно, но неуклонно. Было бы чудовищным преувеличением сказать в 1978 году, что анархизм испытывал «одну из своих периодических волн популярности»¹⁰. Анархизм никогда не был популярен. Но вот такое движение вверх было, когда я впервые повстречал настоящих анархистов. Меня они в основном не впечатляли. Были, к примеру, панки-анархисты. По крайней мере, они были молодыми. Но анархизм, который можно выучить из текстов песен (и

текстов не слишком-то умных, надо признать), будет в лучшем случае поверхностным. Большинство из тех белых юнцов среднего класса теперь стали белыми старпёрами среднего класса. Среди них больше юристов, чем анархистов (а я – и тот, и другой). Но малая их часть стала серьёзными анархистами. Анархисты всё ещё порождаются тем, что осталось от панк-сцены, не только в Соединённых Штатах, но и в таких отдалённых местах, как Эстония или Филиппины.

Семидесятые и восьмидесятые были также зенитом субкультуры “do-it-yourself”, которую я называю «маргинальной средой»¹¹. Это была очень децентрализованная субкультура, в которой индивидуалы или очень небольшие, обычно эфемерные группы сами выпускали постеры, фэнзины, “mail art” и кассеты, которые отдавались, обменивались или продавались за небольшие деньги. Вы бы могли назвать это самиздатом, если не считать тот факт, что у этих маргиналов гораздо менее вероятно, по сравнению с советскими диссидентами, могли возникнуть проблемы с законом. Но иногда это случалось и с ними. Существовало некоторое пересечение с субкультурой панков, а также с научно-фантастическим фэндомом. В основном этим занимались подростки и молодёжь, в основном белые, в основном мужчины, в основном североамериканские. Некоторые из них были открыто политизированными, как правило, анархистами. Но сам дух всей этой сцены был анархическим. Это было место, на тот момент одно из немногих, где анархисты могли позволить себе само-

выражение и где их могли принять всерьёз. Я был активным участником этой субкультуры и писал об этих маргиналах¹².

Лишь немногие из маргинальной среды остаются в рамках своих изначальных средств выражения. Я связываю упадок этой субкультуры в основном с развитием Интернета, где частично продолжается похожая деятельность. Пусть ситуация сложилась действительно так, но было бы пуристской придиркой говорить, как это делает Хаким Бей, что «они сохраняли посреднические структуры почтовой коммуникации и ксерографии и таким образом не смогли преодолеть изоляцию игроков, в буквальном смысле оказавшихся вне пределов игрового поля»¹³. Собственно говоря, благодаря этим маргинальным медиа я лично встретился со многими из самых интересных людей в моей жизни, завёл несколько романов, а также познакомился с Джерри Рейтом, чей текст включён в настоящую антологию, и с самим Хакимом Беем.

Такова самая свежая история анархизма, которую я способен дать моим читателям в настоящее время. То, что Джордж Вудкок и другие¹⁴ называли классическим анархизмом, было в основном ориентировано на борьбу рабочего класса в Европе и частично в Северной и Южной Америках. Но этим он не исчерпывается. Кое-что из классического анархизма всё ещё ценно, даже при отсутствии анархизма рабочего класса. Однако перед вами не антология классического анархизма. На английском языке доступно несколько анар-

хистских антологий, но как минимум две из них довольно скверного качества¹⁵. Одна из достойных внимания доходит до 1945 года¹⁶, то есть до даты, где моя антология только начинается. Ещё одна из хороших работ доведена до 1968 года¹⁷, а значит до эпистемологического прорыва постлевых анархистов. Перед вами же антология, составленная мной на основе моих глубоко субъективных выдержек из того, что я знаю об анархистской литературе после 1945 года. У меня был доступ только к англоязычным материалам, некоторые из них были переводами, но в основном это тексты, написанные на английском. Я бы хотел знать больше, но не имел такой возможности. Я включаю только авторов, определяющих себя как анархисты. Изредка я скептически отношусь к таким заявлениям, но я им верю, *если* их тексты мне интересны.

В 1969 году Николас Уолтер писал: «Анархистская литература из прошлого тяжело давит настоящее и усложняет нам написание новой литературы будущего»¹⁸. Но начиная с 1960-х годов этот груз уже не был столь тяжким для многих анархистов. Классические анархистские тексты продолжали писаться (среди прочих, и самим Уолтером) и после 1945 года. Несколько из них я включил в книгу, но не для того, чтобы классический анархизм был справедливо представлен, а потому что считаю их до сих пор имеющими ценность.

У меня нет намерения быть беспристрастным. Я не вклю-

чаю сюда ни один из современных текстов, который бы, по моему мнению, был нечитабельным или неинтересным или неанархистским. В США большинство из того, что выпускается якобы анархистскими издательствами, анархистским не является¹⁹. Я не включил в антологию никаких реформистских, националистических, расистских, отстаивающих «третью позицию», национал-анархистских, национал-большевистских, лефтистских, “tankie”²⁰ или авторитаристских текстов. Здесь вы также не найдёте ни анархо-синдикализма, ни анархо-капитализма. Эти два последних направления в лучшем случае несут в себе «привкус анархизма», но они не являются анархистскими²¹. Здесь нет «платформизма»²². Нет пуританского, трансфобного «радикального феминизма». Нет «постанархизма». Нет «прямой демократии». Нет «репрессивного труда». Да здесь вообще ничего про труд нет! Здесь только анархизм. Включая, например, тексты Алекса Комфорта, Роберта Пола Вольффа и Эрнста Манна, практически неизвестные современным анархистам.

Многие из постклассических анархистских текстов можно обобщённо охарактеризовать и как «постлевые»²³. Яркую общую критику левых можно найти в главе про левачество. Но многие из авторов, вошедших в антологию, критикуют официальный левый курс в рамках любой из рассматриваемых здесь тем. В своё время классический анархизм имел немалую ценность, хотя у него были и недостатки. Катастро-

фическим изъяном являлась его неспособность отделить себя от левых. Раз за разом анархисты поддерживали левых, которые всякий раз предавали их. Как написал Макс Неттлау, «авторитарные социалисты всегда были нашими врагами»²⁴. Современный анархо-лефтизм соединяет в себе архаичную наивность классического анархизма с реформизмом и авторитаризмом левых. А вместе с этим разделяет и непопулярность левых. Левые обвиняют постлевых в том, что те повернулись спиной к рабочему классу. Но на самом деле именно рабочий класс повернулся спиной к левым.

Я не начинаю с главы-введения в анархизм. После 1945 года таких введений было написано множество. Все они, по моему мнению, неудовлетворительные, включая и моё собственное²⁵. Даже сами определения анархизма часто оказываются неполными и противоречивыми. Например, определение, предложенное Мюрреем Букчином, даже умудряется не включать в себя тезис об уничтожении государства²⁶. Мне нравятся минималистичные определения, например, Пауль Эльцбахер утверждал, что анархисты «для нашего будущего отрицают государство»²⁷. Или как писал Питер Маршалл: «Анархию обычно определяют как общество без управления, а анархизм – как социальную философию, чьей целью является реализация этого»²⁸. Всегда есть искушение *определить* анархизм так, чтобы он включал в себя всё хорошее, истинное и прекрасное, забывая о его изначальном значе-

нии, определяющем одно принципиальное условие, при котором и возможно процветание хорошего, истинного и прекрасного. Определение анархизма не должно быть похожим на десять заповедей²⁹. Что есть анархия? Самоорганизующееся общество³⁰. Зачем быть анархистом? По меньшей мере, началом ответа на этот вопрос будет – а зачем быть кем-то ещё?³¹

Несколько тематических разделов, часто включающихся в анархистские антологии, вы здесь не найдёте. Анархисты, начиная с Уильяма Годвина (так много всего пошло от него), часто интересуются вопросами образования. Поскольку меня перед поступлением в колледж четыре раза исключали из различных школ, я тоже этим интересуюсь. Но современные анархисты, за исключением Пола Гудмана³², на эту тему писали весьма немного. Самая радикальная критика, как, например, у Ивана Иллича³³, исходит не от анархистов. Среди них популярна тема технологий, но здесь для неё у меня нет места, хотя она и возникает то тут, то там. Опять же, хотя современные анархисты, в особенности анархо-примитивисты, весьма часто продолжают критиковать Технологию, они весьма немного добавили к уже имеющейся критике Льюиса Мамфорда, Жака Эллюля, Э.Ф. Шумахера, Ивана Иллича и Лэнгдона Уиннера. Нечто под названием «повстанческий анархизм» тоже представляет собой современное увлечение. Он выглядит похожим на смешение идей Михаила Бакунина

и Макса Штирнера. Я не могу найти для него внятной формулировки.

Закончу же я на наблюдении, которое делали многие анархисты, но немногие подчёркивали: о том, что наше общество в большинстве своём уже анархическое. Рудольф Рокер писал об этом: «Факт заключается в том, что даже при самом худшем деспотизме большинство личных отношений человека со своими товарищами определяется свободными соглашениями и солидарным взаимодействием, без которых общественная жизнь будет вообще невозможна»³⁴. Человечество наслаждалось долгой предысторией анархии. Даже за последний миллион лет «большинство людей жило вне рамок чего-либо, что можно было бы назвать государством»³⁵. Практически все и практически всегда мы были анархистами-собирателями, огородниками, скотоводами и земледельцами. Кое-кто из нас до сих пор такой, но ещё больше тех, кто может им стать. И сегодня анархия способна приобрести новые формы, как она делала это раньше. Если то, что испанские анархисты называли «Идеей», сохранится, её выражения и проявления продолжат меняться³⁶.

Боб Блэк

1 См.: *Woodcock G. Anarchism: A History of Libertarian Ideas and Movements. Cleveland, Ohio: Meridian Books, 1962. P. 468.* Эта кн. недостаточно левая, чтобы удовлетворить

анархистов – сторонников классовой борьбы, см.: *Mintz F. Anarchism* by George Woodcock // Cienfuegos Press Anarchist Review. No. 4. 1978. Есть ещё один англоязычный историк, Питер Маршалл, более современный, но его кн. в два раза больше и вполтину хуже, см.: *Marshall P. Demanding the Impossible: A History of Anarchism*. New ed. Oakland, California: PM Press, 2010.

2 См.: *Герен Д. Анархизм: От теории к практике* / Пер.: Сообщество анархистов Барнаула, Т. Давыдова, Ж. Петивер. М.: Радикальная теория и практика, 2015. С. 4 (впервые опубли., в 1965 г.).

3 См.: *Woodcock G. Anarchism*. P. 468–469, 474–476; см. также: *Gordon U. Anarchy Alive! Anti-Authoritarian Politics from Practice to Theory*. London & Ann Arbor, Michigan: Pluto Press, 2008. P. 29–30. Подзаголовок Гордона является сознательной инверсией подзаголовка кн. Герена. Я спрашивал Гордона об этом, и он подтверждает.

4 См., напр.: *Horowitz I.L. A Postscript to the Anarchists* // *The Anarchists* / Ed. I.L. Horowitz. New York: Dell Publishing Co., 1964. P. 601–603 («Анархисты – это романтическая, абсурдная порода, неспособная, слава богу, примириться с некоторыми из издержек угнетения цивилизации»). Составители другой антологии с ним не соглашались: «Наш сборник продемонстрировал, что анархизм невозможно сдать в архив, посчитав его вспышкой романтизма в политике, грубым видом девиантного насилия, конечным продуктом

атеизма или социализма, нервной версией либерализма в философии [или] непоследовательным голосом протеста», см.: *Krimerman L.L., Perry L. Anarchism: The Method of Individuation // Patterns of Anarchy: A collection of writings on the anarchist tradition / Ed. L.L. Krimerman, L. Perry. Garden City, New York: Anchor Books, 1966. P. 554.*

5 См.: *Baker A J. Anarchism without Ends // Anarchism: A Documentary History of Libertarian Ideas / Ed. R. Graham. Vol. 2. Montréal, Québec, Canada: Black Rose Books, 2009. P. 237–240* (впервые опублик., в 1960 г.). Эта – не слишком хорошая – антология анархизма с 1939 по 1977 г. далее приводится как “Documentary History” с указанием тома (первый том, который я также буду цитировать, был опублик., в 2005 г.).

6 См.: *Woodcock G. Anarchism Revisited // Anarchism and Anarchists. Kingston, Ontario, Canada: Quarry Press, 1992. P. 40–58* (впервые опублик., в 1968 г.); см. также: *Gordon U. Anarchy Alive! P. 30–35.*

7 См.: *Goodman P. The Black Flag of Anarchism // Drawing the Line: The Political Essays of Paul Goodman / Ed. Taylor Stoehr. New York: Free Life Editions, 1977. P. 203–214* (первые опублик., в 1968 г.).

8 См.: *Bookchin M. Ecology and Revolutionary Thought // Bookchin M. Post-Scarcity Anarchism. Berkeley, California: Ramparts Press, 1971. P. 70* (впервые опублик., в 1965 г.).

9 См.: *Goodman P. New Reformation: Notes of a Neolithic Conservative. New York: Random House, 1970; см. также:*

Woodcock G. Paul Goodman: The Anarchist as Conservator // Anarchism and Anarchists. P. 229–251.

10 См.: *Pennock J.R., Chapman J.W. Preface // Nomos XIX: Anarchism // Ed. J.R. Pennock, J.W. Chapman. New York: New York University Press, 1978. P. vii.*

11 См.: *Блэк Б. Под подпольем // Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии / Сост., пер. с англ. и примеч. Д. Каледина. М.: Гилея, 2004. С. 185–200); Black B. Mailing Their Way into Anarchy // Boston Review. Aug. 1986.*

12 См.: *Блэк Б. Под подпольем; см. также: Gunderloy M., Janice C. G. The World of Zines: A Guide to the Independent Magazine Revolution. New York: Penguin Books, 1992; Xerox Pirates: “High” Tech & the New Collage Underground / Ed. Autonomedia Collective. Brooklyn, New York: Autonomedia, 1992.*

13 См.: *Hakim Bey. Immediatism // Immediatism: Essays by Hakim Bey. Edinburgh, Scotland & San Francisco, California: AK Press, 1994. P. 12.*

14 См., напр.: *Crowder G. Classical Anarchism: The Political Thought of Godwin, Proudhon, Bakunin and Kropotkin. Oxford: Clarendon Press, 1991; Marshall P. Demanding the Impossible. Part Four: Classical Anarchist Thinkers. P. 189–427.*

15 См.: *No Gods, No Masters: An Anthology of Anarchism // Ed. D. Guérin, trans. P. Sharkey. Oakland, California: AK Press, 2005. Я дал отрицательный отзыв на эту кн. в статье “No Gods, No Masters, No Thanks”, доступной на: www.ac-*

ademia.edu. Ещё хуже кн. “The Anarchists” (прочит. в примеч. 4). Многие из включённых в эту антологию анархистами не являются. Среди них Дени Дидро, Фёдор Достоевский, Альбер Камю, Жорж Сорель и Филип Селзник.

16 См.: *Patterns of Anarchy*.

17 См.: *The Essential Works of Anarchism* // Ed. M.S. Shatz. New York: Quadrangle Books, 1972.

18 См.: *Walter N. About Anarchism*. Updated ed. London: Freedom Press, 2002. P. 25. Также он заявлял, что большинство анархистской литературы на англ. является переводами. Не думаю, что сегодня это так.

19 См.: *Black B. Class Struggle Social Democrats, or, the Press of Business* // *Anarchy: A Journal of Desire Armed*. No. 64. Fall – Winter 2007. P. 26–29; см. также: *Jarach L. Having No Dog in the Fight: AK Press versus Michael Schmidt* // *Anarchy: A Journal of Desire Armed*. No. 77 (n. d.). P. 42–47 (Шмидт, южноафриканский левый деятель, один из любимых авторов изд-ва “AK Press”, оказался сторонником превосходства белой расы). Я охарактеризовал “AK Press” как «самое выдающееся антианархистское издательство в англоязычном мире»; см. моё письмо в редакцию, опублик. в: *Anarchy: A Journal of Desire Armed*. No. 65. Spring/Summer 2008. P. 75.

20 Это слово, я надеюсь, покажется забавным русским читателям. Так называют левых, включая и немногих анархистов, ностальгирующих по Советскому Союзу и поддерживающих текущую политику РФ. Их называют “tankies”, на-

мекая на то, как советские танки восстанавливали «рабочие государства» наперекор воле самих рабочих в Венгрии и Чехословакии.

21 См.: *Gaus G.F., Chapman J. W. Anarchism and Political Philosophy: An Introduction* // *Nomos XIX: Anarchism*. P. xxiv – xxv.

22 «Организационная платформа либертарных коммунистов» была опубликована в 1926 г. в Париже в газ. «Дело труда» группой эмигрировавших рус. и укр. анархистов (см.: *Аршинов П.А.*). Организационная платформа Всеобщего союза анархистов (Проект) // *Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 2. 1917–1935 гг. М. РОССПЭН, 1999. С. 471–493*). Её авторами были Нестор Махно, Ида Метт, Пётр Аршинов, Валевский и Линский. Они считали, что анархисты потерпели поражение в революции из-за того, что не все объединились в единую упорядоченную организацию с жёсткой идеологией. Что они были побеждены большевиками, поскольку у них не было организации большевистского типа. «Платформу» по всему свету осудили самые выдающиеся анархисты того времени (платформисты называли их «конфузистами»). См.: *Black B. Wooden Shoes or Platform Shoes? On the “Organizational Platform of the Libertarian Communists”* // *Anarchy: A Journal of Desire Armed*. No. 54. Winter 2002–2003. P. 14–15, 19; *Jarach L. Anarcho-Communists, Platformism, and Dual Power: Innovation or Travesty?* // *Anarchy: A Journal of Desire Armed*.

No. 54. Winter 2002–2003. P. 41–45; *Alone L.S. Not My Vision of Liberation // Uncivilized: The Best of Green Anarchy*. [Eugene, Oregon]: Green Anarchy Press, 2012. P. 13–15. Есть переводы на англ.: *Organisational Platform of the Libertarian Communists*. Dublin, Ireland: Workers Solidary Movement, 1989. P. 11–34, а также см.: *Skirda A. Facing the Enemy: A History of Anarchist Organization from Proudhon to May 1968 / Trans. P. Sharkey*. Edinburgh, Scotland & Oakland, California: AK Press, 2002. P. 192–213. Скирда не упоминает тот факт, что Ида Метт, одна из авторов «Платформы», была его матерью. На задней странице обложки другой кн., изданной “AK Press”, стыдливо сообщается, что Скирда «родился в 1942 году в семье украинского отца и русской матери...», см.: *Makhno N. The Struggle Against the State and Other Essays // Ed. A. Skirda*. Edinburgh, Scotland & San Francisco, California: AK Press, 1996. По всему миру «Платформу» осудили ведущие анархисты своего времени, среди прочих: Эррико Малатеста, Волин, Себастьян Фор, Макс Неттлау, Жан Грав, Камилло Бернери и Луиджи Фаббри, см.: *Casas J.G. Anarchist Organisation: The History of the F.A.I. / Trans. A. Bluestein*. Montréal, Québec, Canada: Black Rose Books & Buffalo, New York: University of Toronto Press, 1986. P. 101–105.

23 См.: *Black B. Anarchy after Leftism*. Columbia, Missouri: C.A.L. Press, 1997. P. 150. Я придумал выражение «постлевый анархизм», *ibid.* P. 150.

24 См.: *Nettlau M. A Short History of Anarchism / Trans. I.P.*

Isca, ed. H.M. Becker. London: Freedom Press, 1996. P. 293 (впервые опублик., на исп. языке в 1934 г.).

25 См.: *Блэк Б. Азбука анархизма* // Блэк Б. Анархия и демократия / Пер. с англ. А. Умняшова под ред. С. Михайленко. М.: Гилея, 2014. С. 70–86.

26 Его «четыре столпа» это: «муниципальный конфедерализм, оппозиция к статизму [но не к государству!], прямая демократия и в конце концов [?] либертарный коммунизм...», см.: *Bookchin M. Social Anarchism or Lifestyle Anarchism: An Unbridgeable Chasm*. Edinburgh; San Francisco: AK Press, 1995. P. 60 (см. также рус. изд., где эта цитата приведена неточно: *Букчин М. Социальный анархизм или анархизм образа жизни?* / Пер. с англ. [Б. м.]: Самоопределение, 2013. С. 89).

27 См.: *Эльцбахер П. Анархизм: Изложение учений*: Годвина, Прудона, М. Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Л. Толстого / Пер. с нем. Р. Стрельцова. СПб.: Изд. О.И. Поповой, 1906. С. 295 (впервые опублик., в 1900 г.).

28 См.: *Marshall P. Demanding the Impossible*. P. 3.

29 Такой пример есть – десять заповедей для анархистов буквально предписываются в кн.: *Bufe Ch. Listen Anarchist!* Tucson, Arizona: See Sharp Press, 1998 (опровержение этой постыдной брошюры можно найти тут: *Kane B., Jarach L. Hold Your Tongue Demagogue: Turning a Deaf Ear to Pure Buffoonery*, www.theanarchistlibrary.org). Новое введение, написанное Джанет Биэль, подстилкой Мюррея Букчи-

на, заново излагает дряхлые тирады из его кн.

“Social Anarchism or Lifestyle Anarchism”, к которым она прибавила порочащие утверждения о моей личной жизни. Учитывая момент времени (год спустя после моей “Anarchy after Leftism”), весьма вероятно, что это переизд. профинансировал Букчин. Букчин призывал своих читателей принимать во внимание эти и другие личные нападки, никогда не упоминая о моих опровержениях, см. главу о Букчине в кн.: *Black B. Withered Anarchism* / Ed. J. McQuinn. Columbia: C.A.L. Press, 1993. P. 247, п. 6). Биэль в своей биографии Букчина не упоминает об этом эпизоде.

30 См.: *Ward C. Housing: An Anarchist Approach*. London: Freedom Press, 1983- P 7

31 См.: *Tucker B.R. Why I am an Anarchist // State Socialism and Anarchism and Other Essays*. Colorado Springs, Colorado: Ralph Myles Publisher, 1972. P. 35.

32 См.: *Goodman P. Compulsory Miseducation & The Community of Scholars*. New York: Vintage Books. 1966.

33 См.: *ИлличИ. Освобождение от школ // Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир*. М.: Просвещение, 2006 (впервые опублик., в 1971 г.).

34 См.: *Rocker R. Anarcho-Syndicalism*. London: Pluto Press, 1989. P. 19; см. также: *Berkman A. What Is Communist Anarchism?* New York: Dover Publications, 1972. P. 187 (впервые опублик., в 1929 г.); *Goodman P. Reflections on Drawing the Line // Drawing the Line*. P. 2 (впервые опублик., в 1946 г.);

Gelderloos P. Anarchy Works: Exemplary Anarchist Ideas in Practice (2d ed.). San Francisco, California: Ardent Press, 2010;
Ward C. Anarchy in Action. London: Allen & Unwin, 1973. P. 11.

35 CM.: *Scott J.C.* Two Cheers for Anarchism. Princeton, New Jersey & Oxford: Princeton University Press, 2012. P. 88.

36 CM.: *Ibanez T.* The Anarchism to Come (2017), www.theanarchistlibrary.org.

I. Психология

Психология не входит в список тем, за которые прежде всего брались в предыдущих антологиях анархизма. Но если анархизм, как утверждают марксисты, субъективен и индивидуалистичен – в то время как марксизм научен, объективен и основан на коллективизме, – вы вправе ожидать, что анархисты будут весьма заинтересованы в психологии. Некоторые, особенно в Калифорнии, да, действительно заинтересованы, хотя и в рамках своей личной жизни. Но теория анархизма редко пересекалась с психиатрией или психологией, что не пошло на пользу им всем¹. Один из анархистов, Пол Гудман, в 1950-х годах периодически занимался психотерапией и стал соавтором некогда известной книги «Гештальт-терапия»². Отто Гросс (1877–1920) был анархистским психоаналитиком, оказавшим влияние на Карла Густава Юнга³. Сегодня он неизвестен ни анархистам, ни психоаналитикам.

Анархистов часто обзывали сумасшедшими, особенно во времена, когда они славились бомбометаниями и ограблениями банков⁴. В карикатурном виде их изображали такие гиганты литературы, как Фёдор Достоевский, Джозеф Конрад, Генри Джеймс и Гилберт Кит Честертон. Но почему же желать стать свободным – это безумие? Какой сумасшедший

жаждет контролировать других людей? Политологи только в редких случаях задавались вопросом, почему с такой готовностью люди подчиняются тирании⁵. Несколько известных экспериментов, проведённых современными социальными психологами, говорят о том, что обычные люди выполнят практически всё, что им скажут их предполагаемые власти⁶.

Психоаналитик Вильгельм Райх в период своего увлечения марксизмом писал о массовой психологии фашизма⁷. Теодор Адорно, марксист Франкфуртской школы, и его коллеги написали толстый том, посвящённый исследованию авторитарной личности⁸. Зигмунд Фрейд с сожалением пришёл к выводу, что цивилизация основана на подавлении инстинктов⁹. Невроз, полагал он, является платой за цивилизацию. Но, возможно, «сама нормальность является неврозом, отступлением от реальности жизни, нервной маской»¹⁰. Анархисты считали, что эта плата слишком велика. Психологи-бихевиористы заявляли, что выявили во влиянии окружающей среды технику привыкания индивида к требованиям общества¹¹. Ничто из этой предполагаемой науки не поддерживало анархистское требование свободного общества. В том, что Джон Зерзан называет Психологическим Сообществом, «Социальные конфликты всех типов... автоматически переходят в разряд психических проблем: ответственность за них возлагается на отдельных людей и их рассматри-

вают как частные случаи»¹². Пятое издание Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM-5)¹³, официального руководства Американской психиатрической ассоциации (АПА), несмотря на хронические разногласия и частые пересмотры позиций, всё ещё рассматривает некоторые случаи обычного поведения как предмет медицинского исследования¹⁴.

Обвинения в том, что психиатрия рассматривает политическое инакомыслие и культурный нонконформизм как патологии, не новы, но до сих пор справедливы. К примеру, гомосексуальность классифицировалась как психиатрическое расстройство – до тех пор, пока движение освобождения геев не развилось и не потребовало признания гомосексуальности нормой, что и было сделано на ежегодном собрании АПА. Однажды мне пришлось слышать речь знаменитого психиатра и критика психиатрии доктора Томаса Саса, в которой он указал на то, что психиатрия не является аполитичной – ибо что может быть более политическим, чем акт голодования? DSM-5 содержит упоминание (новое!) «вызывающего оппозиционного расстройства», являющегося классическим примером обвинения самой жертвы¹⁵. Анархизм же часто классифицировался как преступление. Почти столь же часто его определяли в качестве умственного расстройства, как это делал знаменитый криминалист Чезаре Ломброзо. Не изучив ни одного анархиста, он пришёл к выводу, что

анархисты «по большей части или преступники, или сумасшедшие, или и то и другое вместе»¹⁶.

С другой стороны, анархисты, как и все остальные люди, действительно иногда сходят с ума¹⁷. Я знал слишком много сумасшедших анархистов. В анархизме доля святых, героев, мучеников и маньяков выше положенной.

Раздел «Психология» я начинаю с дискуссии среди анархистов (впервые опубликованной в 1978 году), с широкого райхианского взгляда на аспекты социализации, характера, морали и идеологии, и на то, как они подавляют «прозрачную» (открытую и искреннюю) коммуникацию. Только индивиды, склонные к прозрачной коммуникации, способны к настоящему анархическому объединению.

С 1944 по 1952 год Алекс Комфорт изучал медицину, биологию и детскую психологию, став доктором философии в биохимии¹⁸. В это же время он активно участвовал в анархистской и пацифистской деятельности в Англии. Доктор Комфорт получил международную известность в начале 1960-х годов с публикацией своего бестселлера, книги «Радости секса»¹⁹. В 1950-х годах его работа «Власть и преступность в современном государстве: Криминологический подход к проблеме власти» осталась забытой. Он утверждал, что современные политические институты систематически выбирают «нарушителей» для занятия властных должностей. Так почему же *этой* патологии нет в DSM-5? В качестве тео-

ретического аппарата Комфорт использовал методы психоанализа Фрейда. Я считаю возможным, игнорируя аппарат, оценить приводимые аргументы.

Содержание раздела «Психология»

Джей Эмрод, Лев Чёрный. *Вне характера и морали: К прозрачной коммуникации и гармоничной организации* (пер. с англ. В. Садовского по: Amrod J., Chernyi L. *Beyond Character and Morality: Towards Transparent Communication and Coherent Organization* // Reinventing Anarchy, Again / Ed. HJ. Ehrlich. Rev. ed. Edinburgh, Scotland; San Francisco, California: AK Press, 1996. P. 318–322).

Алекс Комфорт. *Власть и преступность в современном государстве: Криминологический подход к проблеме власти* (пер. с англ. В. Садовского по: Comfort A. *Authority and Delinquency in the Modern State: A Criminological Approach to the Problem of Power*. London: Routledge & Kegan Paul, 1950. P. 7–18, 33–36).

Вне характера и морали. К прозрачной коммуникации и гармоничной организации Джей Эмрод и Лев Чёрный

1

Чтобы создать революционную организацию, недостаточно механически объединить определённое количество людей с революционными намерениями. Создание подобной организации должно включать осознанный план агрессивного разрушения всех препятствий для коммуникации, мышления и действия как внутри, так и за пределами организации. Оно включает осознанную выработку теории и практики, адекватных поставленной задаче. А кроме того, нужна и преданность делу перемен, никогда не ставящая под сомнение необходимость меняться самому. Вы не сможете изменить мир, если собираетесь оставаться неизменными сами.

2

Логично, что первым шагом в разрушении всех препятствий для коммуникации, мышления и действия является

определение самих этих препятствий. При тщательном исследовании нашей ситуации мы неизбежно обнаруживаем, что все эти препятствия можно отнести в общую категорию «капитала», понимаемого как гармоничная целостность всех аспектов, вместе его образующих. Единственно логичным выводом будет, что той силой, которая сдерживает все наши попытки ликвидировать капиталистическое общество, в конечном счёте, является лишь сам капитал.

3

Для достижения наших теоретических и практических целей мы сфокусируем своё внимание на том моменте или аспекте капитала, который Вильгельм Райх назвал «характером». Характер – это «капитал», видимый нами в отдельной личности. Это не множество случайных ограничений, а связанная структура неспособностей и ограничений, которые, будучи организованными в единое целое, выполняют свою функцию в рамках капиталистического общества. Характер никогда не следует рассматривать как вещь в себе, отделённую от любой другой социальной реальности. Он существует лишь как одно мгновение в целостности капитала. Действовать в соответствии с любыми другими пониманиями характера – значит упускать всю суть.

Вспомните своё детство. По ходу этого вы будете вспоминать, как формировалась структура вашего характера, как создавалась эта модель, появившаяся вследствие вашего поражения (и вашего подчинения) логике капитала, с которой вы познакомились в своей семье, у сверстников, в церкви или храме, в медиа и в школе. Тот же процесс вы можете наблюдать ежедневно, если посмотрите, как живут дети вокруг вас. Им нелегко даётся обучение логике капитала, как и нам всем когда-то. Каждый раз, когда ребёнок появляется на свет, его или её способности саморегулирования систематически подвергаются атакам самых близких к нему/ней людей.

Это обычно начинается с жёсткого графика кормления, что не только удобно для матерей и родильных домов, но также несёт в себе дополнительную функцию раннего приучения ребёнка к «принципу реальности» («Будешь есть по расписанию, а не тогда, когда голоден»), иначе известного как логика характера и капитала. Для значительного числа новорождённых мальчиков к этому добавляется травма обрезания¹, служащая им напоминанием о той «заботе», кото-

¹ Помимо того, что обрезание является обычной практикой у народов, исповедующих ислам и иудаизм, оно широко распространено в Северной Америке. По состоянию на 2006 г. этой операции подвергались 56 % новорождённых американцев (здесь и далее внизу страницы – примеч. пер.).

ругую можно ожидать от своих родителей. В быстрой последовательности ребёнку открывается всё больше и больше видов выработки условного рефлекса, пока он или она наименее приспособлен для их понимания и оппонирования им. Нередко детей, которые не могут ещё ходить, приучают к горшку. Наиболее консервативные родители оперативно наказывают за любое прикосновение к гениталиям, и дети приучаются к постоянному ношению одежды («нехорошо, когда люди видят тебя голым»). Родители вводят жёсткие расписания сна для детей, хотя те и так хорошо знают, когда устали и когда хотят встать. И вообще детям позволено исследовать окружающий мир и пробовать свои силы только лишь в рамках ограничений, дозволенных их поработителями – будь то родители, школы и т. п.

5

Единственный простой сигнал, всегда возникающий при каждой выработке рефлекса, состоит в том, что ситуацию контролирует не ребёнок, а кто-то другой. Дети отвечают на это единственным возможным для них образом – они адаптируются к такой ситуации посредством проб и ошибок. Когда ребёнок оказывается впервые отшлёпанным за то, что считал естественным действием, на его лице отражается изумление и любопытство. После того, как его накажут уже много раз за непостижимо простые дела, ребёнок, оказыва-

ясь в присутствии кажущегося иррациональным агрессора, учится избегать такого развития вещей. Он в итоге приобретает почтение к фигурам, облечённым властью (произвольной силой) внутри семьи. Это в конечном счёте обобщается до «уважения» и почтения ко всем властям, по мере того как ребёнок оказывается открыт всё более широким сферам осознания и действия. Стоит прояснить одну вещь – немногие люди осознанно приучают детей. Распространённая форма приучения является обычно результатом всей организации сил, действующих через родителей и других. Эти силы включают в себя экономическое давление, вмешательство родителей, общественные нравы и т. д. Капитал должен всё время воспроизводить себя или он перестанет существовать.

6

Мы живём в обществе без естественных нехваток. Наши естественные желания нередко оказываются временно невыполнимыми в силу природных причин. Обычно это не оказывает долговременного эффекта на наши жизни, поскольку в конечном счёте мы учимся на своих ошибках или же природные обстоятельства меняются так, что нам оказывается под силу исполнить свои желания. Однако к сожалению мы живём в обществе, где правит капитал, а это означает, что мы живём в обществе хронических, социально внедрённых (то есть искусственных) нехваток. Эти нехватки приво-

дят к постоянным фрустрациям определённых желаний. И когда важные естественные желания оказываются хронически недостижимыми, не просто запретными, но часто и наказуемыми, мы вскоре оказываемся вынуждены примириться с таким отказом. Чтобы избежать наказания, которое бы последовало за попытку удовлетворить свои потребности, мы учимся подавлять их, как только они начинают проникать в наше сознание. Часть той энергии, которую иначе бы потратили на исполнение своих желаний, мы используем на их подавление с целью удовлетворить своё вторичное желание избежать наказания. И когда это самоподавление существует сколько-нибудь длительный период, оно становится обычным и переходит в подсознательную установку структуры нашего характера. Наше осознание изначальной ситуации этой хронической фрустрации подавляется, поскольку поддерживать его становится слишком болезненно. Мы выучиваем, что наше желание «иррациональное», «плохое», «нездоровое» и т. д. Мы усваиваем логику капитала как черты характера, и они становятся «естественными» для нас, а изначальные желания превращаются в желания «иррациональные». Даже когда угрозы наказания за действия в рамках логики изначального желания больше нет, мы автоматически продолжаем его подавлять. Мы выучились калечить себя, и нам *это нравится*.

7

На протяжении первых лет нашей жизни нас принуждают не просто усваивать некоторые аспекты капитала, а выстраивать структуру усвоений. Пока наша способность естественного гармоничного саморегулирования ломалась, её место заняла новая система саморегуляции, логически последовательная система, включающая в себя все аспекты самоподавления. Мы приняли участие в продолжающемся проекте капитала по колонизации, колонизируя самих себя, продолжая работу над построением унитарного характера-структуры (характера брони), унитарной защиты против всех побуждений, чувств и желаний, которые, как мы усвоили, было опасно выражать. На месте наших изначально ясных взаимоотношений с миром мы создали структуру барьеров для нашего самовыражения, скрывающую нас от нас самих и других людей.

8

Результаты характера можно обнаружить во всех аспектах нашего поведения, так как характер представляет собой унитарную деформацию всей структуры нашего существования. Он ухудшает нашу способность жить свободно и полноценно, разрушая структурные основания свободной жизни.

ни. Характер – это не ментальное явление. Это структурное явление всего нашего существования. Он проявляется как подавленность, хроническая напряжённость мышц, чувство вины, перцептивные барьеры, творческие блокады, психосоматические или психогенетические заболевания (во многих случаях различных «болезней», таких как хроническая бессонница, артрит, обсессивно-компульсивные неврозы, хронические головные боли, хроническая тревожность и т. д.). Он проявляется как уважение к власти, догматизм, мистицизм, сексизм, коммуникативные барьеры, неуверенность в собственной безопасности, расизм, страх свободы, ролевые игры, вера в «Бога» и т. д., *ad nauseum*². В каждом индивидуэ эти черты характера приобретают согласованную структуру, которая и определяет характер этого человека.

Так же как характер является ограничением и деформацией свободной человеческой *деятельности* в целом на службе у капитала, так и идеология является ограничением и деформацией *мысли* на службе у капитала. Идеология это всегда принятие на том или ином уровне логики капитала. Это форма, приобретаемая отчуждением в области мышления.

9

При помощи идеологии я оправдываю своё соучастие капиталу, я оправдываю своё самоподавление (моё подчине-

² до отвращения (*лат.*).

ние, мою вину, мою жертву, моё страдание, мою скуку и т. д. – иными словами, мой характер). С другой стороны, структура моего характера, существуя как зафиксированное, обусловленное поведение, естественным путём склоняется к выражению своего существования в мышлении в виде зафиксированных идей, господствующих надо мной. Характер и идеология не могут существовать друг без друга. И то, и другое – части одного унитарного явления. Вся идеология – это выражение бессилия моего мышления, и весь характер – это выражение бессилия моей деятельности.

10

Особенно коварной формой идеологии является расползающийся морализм, извечно бывший чумой либертарного революционного движения. Он уничтожает возможности для прозрачной коммуникации и последовательной коллективной деятельности. Поставить границы чьему-то поведению в соответствии с наставлениями морали (поисков «добра» или «правды») будет означать угнетение чьей-то воли ради удовлетворения некоего идеала. А поскольку похоже, что мы не можем ничего иного, кроме как пытаться удовлетворять и отчуждать самих себя, когда одна часть нас подчиняет остальные – это оказывается ещё одной ступенью характера. Если существует мораль, коммуникация подменяется манипуляцией. Вместо разговора со мной моралист пы-

тается манипулировать мной, обращаясь к моим интернализациям капитала, к моему характеру в надежде, что этот вид идеологии позволит ему получить влияние над моим разумом и поведением. «Проекции моей субъективности, подпитываемые чувством вины, торчат из моей головы словно множество рукояток, предлагаемых любому манипулятору, любому идеологу, желающим завладеть мной, чьё профессиональное умение заключается в способности почувствовать такие рукоятки» (из книги «Право быть жадным»³). Единственной реально прозрачной, а значит и революционной коммуникацией является та, которая происходит, когда мы сами и наши желания оказываются в открытом пространстве, когда в воздухе нет никаких моралей, идеалов или принуждений. Мы будем аморалами, в противном случае станем манипуляторами и манипулируемыми. Единственной гармоничной организацией будет та, в которой все мы объединимся как индивидуальные личности, осознающие свои желания, не желающие идти ни на какие уступки мистификации и давлению, не страшась действовать свободно в своих собственных интересах.

³ См.: For Ourselves. The Right to Be Greedy. Berkeley, CA and Palo Alto, GA: For Ourselves, n. d. [1974]. Кн. была написана амер, ситуационистским коллективом "For Ourselves: Council for Generalized Self-Management". Боб Блэк сочинил к ней предисловие. В электронном виде кн. доступна по адресу: <http://libcom.org/library/right-be-greedy-theses-practical-necessity-demanding-everything>.

Власть и преступность в современном государстве. Криминологический подход к проблеме власти Алекс Комфорт

В нашей собственной культуре и в тех обстоятельствах, при которых возникло изучение преступности с точки зрения психологии, мы имеем дело с результатом этого процесса, отличающимся от более ранних его стадий. В настоящее время мы вынуждены противостоять не столько самому правонарушителю, чьи успех и энергия подавляют противодействие, сколько широко распространённому встраиванию преступных моделей поведения в современные нам структуру и механизм общества. Экономическая и политическая власть распространилась вместе с цивилизацией, а цивилизация выросла со времён промышленной революции, преимущественно за счёт «биоцентрических» элементов. Законы и управление, быстро трансформируясь перед лицом стремительно сменяющих друг друга событий и сдвигов в балансе политических сил, начали вытеснять традицию и обычаи. Тирании, вызывавшие такую тревогу и возмущение у Западного либерализма, за последние годы получили даже больше власти принуждать, чем это было у местных вождей в небольших сообществах, так как они оказались сравнительно

но не ограниченными обычаями и получили возможности форматировать и видоизменять верования и обычаи в беспрецедентном масштабе. Нам следует признать, что централизованные городские культуры, включая и нашу собственную, подошли к моменту детального выбора типов индивидуального преступления, при иных обстоятельствах неразличимых, которые они будут, с одной стороны, терпеть или поощрять, а с другой – осуждать и карать. Рамки законов, определяющие преступление, больше строго не ограничены нравами общества или превалирующих в нём групп, в то время как само общество хотя и чувствует для себя угрозу от роста индивидуальной преступности, в своём существовании стало зависеть от притока того самого типа граждан, от которых можно ожидать криминальных действий. В подобном обществе у преступника возникает намерение стать свободным одиночкой, правонарушителем без лицензии, которому не хватило умения, удачи или возможности, чтобы выразить свою склонность к нарушениям в рамках структуры власти.

Правонарушитель как гражданин

Как правило, самые современные исследования сходятся в том, что антиобщественное поведение индивидов закладывается в детстве. Если какое-либо общество обнаруживает, что производит нарушителей в необычайно большом коли-

честве, то причины такого роста чаще всего усматриваются в факторах жизни сообщества, негативно влияющих на семью или на принятые родителями методы воспитания. В какой-то момент, который может наступить как в детстве, так и позднее, человек, имеющий подобные изъяны в воспитании, сталкивается с проблемой взаимоотношений с остальными членами общества. Некоторые культуры обладают большими способностями ассимилировать таких людей, чем прочие. Ассимиляционная сила нашей культуры с точки зрения её способности к окончательному урегулированию конфликтов и «излечению» сравнительно невысока. Однако все эти потенциальные нарушители ни в коей мере не становятся автоматически врагами общества. Централизованные общества сталкиваются со значительными сложностями, пытаясь исправить своих заблудших членов, но при этом обладают удивительной способностью абсорбировать их, не меняя коренным образом.

Выбор, стоящий перед правонарушителем, ищущим выход для своих преступных наклонностей, – это выбор не между борьбой с обществом и переделкой себя под воздействием традиций и нравов этого общества. Это выбор между дозволяемым правонарушением и не дозволяемым. Ключевым фактором, делающим любое явное действие «правонарушением», является притязание субъекта деяния на право вести себя, не считаясь с остальными. Он может совершить ограбление или убийство, приняв их последствия, или

же может найти место в социальной структуре, дающее ему лицензию при определённых ограничениях беспрепятственно воплотить свои притязания. *Возможности для такого принятого и приемлемого правонарушения практически полностью находятся в рамках структур власти.* Если у правонарушителей в таких режимах, как нацистская Германия, есть своё очевидное место, то в структурах любого другого сообщества, где принуждение является допустимой частью общественных институтов, у них есть скрытое место. Сам «выбор», разумеется, является почти целиком случайным. Преступник становится преступником в основном из-за своих возможностей, контактов и в силу случайного столкновения с законом ещё в начале своей карьеры. Если отклонение в поведении такого субъекта затрагивает собственность, то едва ли он сможет выразить его в допустимой форме. Если же оно в основном касается личных взаимоотношений, это ему будет вполне под силу.

После того как изначальный выбор сделан, человек, который находит способ увязать свою антисоциальность с обществом, может сделать это двумя путями. Если у него есть какая-то способность к «принятию» дисциплины, то в современном обществе существует множество занятий (почти все из которых связаны с исполнительной стороной власти), дающих ограниченную лицензию на причинение боли или на судебный произвол, причём эти занятия обязательны при современном укладе жизни. Или же его девиантное стрем-

ление может удовлетворяться приватно, пока не дойдёт до той стадии, когда этот индивид, став законодателем или авторитетом общественного мнения, сам сможет вписать его в жизнь своей культурной общности. *Сама по себе машина власти есть во многом механизм, при помощи которого такая ситуация становится возможной.*

Вероятно, было бы справедливым утверждать, что наиболее серьёзной проблемой современной криминологии является необходимый и лицензированный правонарушитель. Существование на национальном и персональном уровне правонарушений такого рода, а также то влияние, которое оказывают на обстановку во всём обществе психопаты, в настоящее время становятся более серьёзной угрозой для личной безопасности, чем обычная преступность. В некоторых случаях, как во времена расцвета чикагских гангстеров или в нацистской Германии, происходит неприкрытый взаимобмен между этими двумя категориями – в социальных демократиях внимание общества в большей степени направлено на вторую категорию, однако главную угрозу выживанию несёт первая. Эта угроза распространяется как на культурные и экономические блага централизованного общества, так и на будущее науки. И если, разбираясь с отдельным преступлением, в наши дни целенаправленно прибегают к научной психиатрии, то таковая непременно должна быть широко задействована и при изучении некриминальных форм правонарушений, от которых уже стали зависеть структу-

ры централизованного общества, поскольку как спрос, так и предложение на правонарушителей можно рассматривать как продукт этого общества. Осуждённые преступники в определённой степени являются не столько устранимым побочным продуктом нашей культуры, сколько порочным переизбытком одного из её производителей.

Правонарушитель как эмоциональная отдушина

Помимо рассмотренной выше функции, которую правонарушители и потенциальные правонарушители могут исполнять в институтах современных обществ, у них есть, в силу их статуса изгоев и преступников, и вторая функция, которую можно обоснованно считать даже более важной. Райвальд (1949)²⁰ привлёк внимание к рассмотрению преступника и его наказания во многом как к блуждающей и подавляемой агрессии цивилизованной публики. Он разделяет преступления на «удовлетворяющие» и «неудовлетворяющие». «Удовлетворяющее» преступление эмоционально заряжено и служит хорошей почвой для большого количества криминальной и детективной литературы: убийство, тема детективного рассказа, и сексуальное преступление, тема репортажа в воскресной газете, – вот основные «удовлетворяющие» преступления. Растрата, мошенничество и всевозможного рода «махинации» эмоционально «не удовлетворя-

ют» — они не совпадают ни с одним из наших более или менее значимых представлений о вине. Преступник, в особенности «удовлетворяющего» типа, более или менее атавистический, чьё наказание снимает вину с читателя и зрителя, в такой степени и «нужен» обществу. Райвальд сомневается в возможности современных обществ отказаться от представлений такого рода, не прибегая к другим, более разрушительным.

Консервативный взгляд на наказание и на закон воспринимает решительные и устрашающие утверждения в современных уголовных кодексах буквально и тем самым явно недооценивает ритуальные и магические элементы в развитии общественного восприятия преступности. Многие из поразительных расхождений между очевидными намерениями закона и теми методами, к которым он прибегает, объясняются пережитками подобного рода. В первобытных обществах человек, нарушающий закон, имел особый магический статус. Преступник, по сути, поддаётся тем порывам, которыми в своих фантазиях развлекается большинство в его культуре и которые считаются источником вины. Делая это, он предлагает себя самого в качестве жертвы ради менее возбудимых или более зажатых членов общества, выражающих ему подобающую признательность. В этом смысле идея проклятого как спасителя и экзорциста гораздо древнее, чем её использование в христианском символизме. Как утверждалось, так и отрицалось, что наказание, как оно понима-

ется нами, неизвестно в большинстве первобытных культур – казнь преступника, способная принять и форму самоубийства, это не столько наказание, сколько экзорцизм, очищающий эффект которого распространяется на всё общество. В рамках такого акта преступнику действительно могут даже аплодировать за то, что он стал козлом отпущения для тех, кто совершает преступления в уме.

Остатки первобытного подхода такого рода, безусловно, присутствуют в современном праве, хотя их не всегда легко вычленить. Райвальд указывает на практику, просуществовавшую в Англии вплоть до последнего столетия, когда осуждённого считали животным (и помещали в коровью шкуру), и на тенденцию цивилизованных государств рассматривать судебные заседания и казни как форму празднеств. Даже головной убор медика, который надевает на свою голову современный судья, оглашая смертный приговор, имеет долгую и выдающуюся антропологическую историю. Заинтересованное, восторженное или оргиастическое отношение публики к её узаконенным врагам по меньшей мере настолько же амбивалентно, как и у любой первобытной культуры. Подобные связи с преступником как благодетелем общества делают возможным понимание другой формы терпимой преступности, формы сурового или тиранического первобытного монарха. Он, подобно приговорённому, является магической фигурой – тем, кому дозволено, и тем, кто приносится в жертву ради ритуальных благ всего сооб-

щества в конце своего срока правления. Монарх и приговорённый нарушитель закона в какие-то моменты истории общества оказываются взаимозаменяемыми. Преобразование цареубийства в правление происходит как бы на сцене, где дублёром, казнимым вместо монарха, фактически являлся осуждённый преступник. По словам Райвальда: «...преступник без оглядки на общество стремится к неудержимому инстинктивному удовлетворению. В точности такое же стремление характерно и для вождя племени. Именно его положения хочет достичь преступник, пренебрегающий общественными табу, – и по этой причине подсознательное приобретает для него такое возвышенное значение».

Помимо всех аналитических или исторических соображений, кажется очевидным, что в современных централизованных культурах нарушитель закона и правитель действительно занимают противоположные концы единой эмоциональной оси. Оба они являются козлами отпущения для необъявленных актов агрессии индивида: к обоим относятся с заметной терпимостью в случаях дискомфорта и повреждений, которые они могут причинить сообществу в силу своего положения. Предположение Райвальда о том, что такое отношение к преступности в обществе отчасти возникает в силу необходимости её поддерживать и, карая её, достигать эмоциональной разрядки, выглядит хорошо обоснованным. В случае правителей-угнетателей весь этот процесс оказывается более осознанным. Терпимость к тирану, вопре-

ки тем страданиям, которые он причиняет, нередко возникает из того факта, что он становится точкой концентрации агрессивных фантазий в народе, независимо от того, отождествляют ли они себя с ним или реагируют на него ненавистью. Демократические правительства, подобно преступникам в демократических обществах, также служат козлами отпущения для народа. Правители избавляют нас от наших неудовлетворённостей при помощи нашей безответственности, а наказание преступников и то неодобрение, которое мы им выказываем, разряжают нашу тревогу из-за стремлений, которые мы разделяем с убийцей или насильником. Без большого объёма фактических знаний неразумно чрезмерно увлекаться концепциями такого рода, однако современные исследования психосимволизма и истории взаимодействий правителя-жертвы и преступника-жертвы слишком вызывающи, чтобы целиком их игнорировать. С точки зрения общества эти две функции могут сливаться. Правитель и преступник, по их же собственным личным взглядам, могут олицетворять разделение между теми, кто стремится выплеснуть агрессию, открыто сопротивляясь обществу, и соглашаясь с тем наказанием, которое это сопротивление включает, а иногда активно (подсознательно) желая его, и теми, кто стремится высвободить те же самые агрессивные стремления, становясь контролёрами или хранителями совести общества, формируя его по своим собственным меркам.

Формы терпимой преступности

Терпимые правонарушители в централизованных культурах находятся на двух различных уровнях. Они способны внедряться в механизм законодательной и политической власти и контролировать его, будучи высокопоставленными политиками и правителями. Как правило, в ещё большем числе их можно встретить в составе исполнительных органов, вклинивающих себя между должностным лицом и гражданином. Нашим принятием существования и роли этих терпимых правонарушителей, а также их способности причинять вред мы обязаны подъёму тоталитарных государств, однако возрождение преступности и военной тирании как социально приемлемых линий поведения в цивилизованных государствах привело и должно приводить к пристальному изучению подобных механизмов внутри социальных демократий.

Социальная демократия была изобретена (по крайней мере в том виде, в каком она развилась как определённая продуманная система) с целью ограничить возможные злоупотребления властью её представителями. Полномочия самих представителей появились в результате общественного недовольства безответственным правительством. Таким образом, говоря языком либеральной теории, социальная демократия должна всесторонне гарантировать защиту от за-

хвата власти преступными индивидами или группами. Конституция Соединённых Штатов специально оформлена так, чтобы эта цель была заметна. Однако гарантии, предоставляемые конституциями и теориями управления, упускают из расчётов куда более значимые эффекты, оказываемые на общество экономическими и социальными силами, которые не смогли предвидеть теоретики. Демократия подвержена рискам, с которыми сталкивались и другие общества – рискам от амбиций энергичных и беспринципных личностей, а также от чрезмерной концентрации власти, но есть у неё и свои собственные риски. Число претендентов на политическую власть при монархии ограничено кругом военных руководителей и знати, которые могут надеяться на успех при узурпации; чем шире критерии для поста, тем больше конкуренция. Демократические сообщества, в особенности в своих централизованных формах, дают шанс на попадание в сферу государственных дел многим агрессивным людям, чьи амбиции в ином случае могли бы ограничиваться лишь локальными вопросами. Более того, реальный контроль, который делегированные правители осуществляют над жизнями простых граждан, оказывается ещё более эффективным и doskonaльным, чем даже тот, о котором могли помыслить древние монархи, а сам факт делегирования в некоторой степени ограничивает сопротивление народа такому контролю. С ростом урбанизированного общества и расширением области и пределов администрирования высокопоставленные поли-

тики получили ресурсы силы и убеждения, и это не встречало сколько-нибудь значимого организованного сопротивления, за исключением периодов экономических спадов или распространённой нищеты.

В то же самое время концентрация населения и политических функций в городах привела к постепенному расширению размеров и пределов действия механизмов принуждения. Эти организации постепенно обретали автономное функционирование, которое может быть свободным от контроля как политической элиты, так и народа. Городская полиция сыграла важную роль в конфликтах вокруг политических партий и в установлениях диктатур. Можно вспомнить, что римская конституция предусматривала специальные и спланированные проверки использования армии для принуждения внутри страны на основании различия между *imperium domi* и *imperium militiae*⁴, а военные командиры обычно лишались власти в пределах города²¹. Уникальная черед императоров-психопатов в поздней истории Рима была почти в каждом случае обязана своей властью самовольным действиям принуждающих частей армии (императорских телохранителей), которые часто набирались из иностранных наёмников или имели их поддержку. В этом случае исполнительная власть была в физическом и буквальном смысле чужой, инородной для нравов и установок римского

⁴ Понятия древнерим. государственного устройства: полномочия исполнительной власти в гражданской и военной сферах.

общества. Слом этой системы последовал после появления среди исполнительной власти достаточно мощных и амбициозных претендентов для разделения между ними центральной власти.

При этом либеральная теория западных демократий почти или даже совсем не имела влияния на планы их биологического роста. Централизация повлекла колоссальные изменения, многие из которых стали решающими для статуса семьи и безопасности личности и не были нейтрализованы техническими достижениями. Хэллидей²² привлёк внимание к растущей значимости культурно наследуемой тревоги в таких обществах. Исторические свидетельства, взятые из судьбы более древних городов-государств, отошедших от своих биологических основ, далеки от того, чтобы быть убедительными. Нарастающие тенденции к страху, опасности, а также курс на войну в таких демократических культурах становятся постоянными характеристиками, их можно обнаружить и в нашей собственной. Мамфорд²³ уже продемонстрировал пугающе реалистичную картину процессов дезинтеграции в городских агломерациях – в этих условиях развитие психопатий приобретает масштаб пандемии: вина и её проекции в военной агрессии могут стать в демократических и традиционно пацифистских культурах даже более заметными, чем в более устойчивых авторитарных. Эффект, оказанный на современное американское сознание атомными бомбами, был более значимым, чем для немцев эффект от военного по-

ражения. Либеральные гарантии в современной социальной демократии оказываются всё более вынуждены противостоять факторам, никогда не приходившим в головы её изобретателей. Осуждаемые современными либералами тоталитарные режимы, на которые те проецируют свои собственные чувства вины и тревоги, являются конечными продуктами похожих процессов в тех культурах, где сопротивление было ещё ниже в силу традиции или стечения обстоятельств.

В аристократических олигархиях члены правительства набирались по праву наследования из правящей касты и периодически пополнялись из нижестоящих слоёв за счёт браков и появления новых, самостоятельно продвинувшихся дворян. Управление было одной из многих функций, осуществлявшихся этим классом. В централизованных демократиях управление – это профессиональное занятие, при этом обычно исключающее совмещение с другими формами деятельности. Следовательно, оно должно конкурировать с другими занятиями равного достоинства и статуса за необходимых для работы сотрудников. Руководство современной политической партией не предлагает ни экономических, ни интеллектуальных стимулов, превосходящих стимулы, предоставляемые технологиями, профессиями или более высоким положением в администрации на гражданской службе – её привлекательность для отдельного человека, вероятно, зависит в основном от предлагаемых ею возможностей изменить жизни других. Механизмы принужде-

ния, полиция и тюремные службы в прошлом могли набирать к себе людей в силу ассоциации личной безопасности с работой на государственной службе. Многие годы служба в полиции или армии была единственным респектабельным занятием, дающим право на пенсию, на что могли претендовать представители рабочего класса²⁴. Такого положения больше нет. Рост социальной защищённости и повышение стандартов уровня жизни в целом упразднили их привлекательность. По сравнению с другими занятиями, у работы в службах принуждения плохая оплата и более жёсткая дисциплина. Здесь, как и в органах законодательной власти, при поступлении всё более важную роль играет, по всей видимости, осознанный выбор. Таким образом, в централизованных обществах есть тенденция набирать персонал для подобных занятий в основном из числа тех, кто более всего озабочен страстью к власти, к полномочиям контролировать и направлять других. В случае будущих политиков подобные устремления могут происходить из высокоразвитого политического и общественного чутья, с той же вероятностью их источником может быть и плохая приспособляемость и глубоко укоренившееся стремление к самоуверенности и доминированию. В социальных демократиях существует лакуна между индивидом, желающим получить должность, и должностью, которую он желает, между механизмами избрания и механизмами партийной системы, включая и необходимость побуждать многочисленные электората! с разным уровнем ин-

теллекта поддерживать кандидата при голосовании. В таком процессе прямота и альтруизм могут оказаться в проигрыше по отношению к коварству и эгоистичным амбициям. Более того, в то время как альтруизм и социальный идеализм могут найти готовые выходы для себя в других областях деятельности, например в научных исследованиях, медицине, религии или социальной сфере, все из которых обладают достаточным интеллектуальным и общественным престижем, централизация власти неизбежно привлекает к административному центру тех, для кого власть сама по себе является целью. Жажда успеха посредством богатства или успеха посредством славы и почёта более адекватно удовлетворяется в других сферах общества, и хотя политической власти возможно достичь другими путями, эта жажда остаётся преобладающим признаком правления в современных городских культурах.

Рассуждения подобного рода могут служить констатацией, скорее, возможного риска, нежели реального положения вещей в психологии английской политики в настоящее время. Число амбициозных и непорядочных людей в любом сегодняшнем парламенте, вероятно, не выше, чем в предыдущие периоды, когда условия были иными. Однако другие факторы, помимо тех, что связаны с политикой партий, в любое время могут вмешаться с целью привести посредством выборных технологий на ту или иную должность психопатов или группы, которые станут вести себя противоправно,

будь это их долгожданной целью, объектом внимания и выражением сдерживаемой общественной тревоги и фрустрации, или же посредством разрушающего влияния, которое обширная власть, изоляция и кризис могут оказывать на колеблющихся личностей. Стандарты членов парламента Великобритании, а также общества в ходе межвоенной депрессии и Второй мировой войны претерпели значительные изменения. Вопреки этим переменам и давлению, оказываемому современным правительством на изначально общественно активных людей, институциональные меры безопасности едва ли окажутся эффективными.

Более того, что бы мы ни считали нормой неприкосновенности частной жизни и как бы полно этот стандарт не поддерживался английскими политиками, существует резкое разделение между личными качествами и публичной политикой. Это разделение характерно для сегодняшнего политического сумасшествия, когда явно порочная публичная политическая деятельность может сочетаться с примерным поведением в частной жизни. Предположение, что те, кто отдаёт приказы совершать мошенничество, бойни или депортации, должны непременно быть преступниками или садистами в своих частных взаимоотношениях, не поддерживается теорией или данными наблюдений. Когда такие действия явно безумны, нормальность тех, кто их совершает в других сферах деятельности, не более убедительна, чем та внешняя адаптация, которую нередко демонстрируют пре-

ступники вне своего специфического расстройства поведения. Представляется бесспорным, что интенсивная нагрузка и другие аспекты современной политической деятельности оказывают очевидное влияние на побуждения к преступному поведению у людей, которые при иной ситуации не проявляли бы его. Сомнительно, был бы Гитлер активным преступником, если бы не получил свою должность, несмотря на его безусловно ненормальную природу.

Обсуждая эти феномены в их нынешнем контексте, можно ссылаться на историю, но очевидные причины препятствуют публикации исторических расследований или оценок ныне живущих личностей. В любом случае, следует отказаться от долгосрочной диагностики умственной ненормальности у человека, известного лишь по своим высказываниям. Но вряд ли мы не заметим релевантность психиатрической классификации политической сцены последних двадцати лет. Тот факт, что ненормальные люди существуют и достигают власти, в рамках политической системы не является сам по себе её осуждением. То же самое относится и к другим сферам деятельности. Можно сформулировать важнейшие суждения, на основе которых надо строить оценку современного государства: во-первых, привлекает ли оно психопатов избирательно; во-вторых, является ли само стремление к власти демонстрацией провинности у некоторых или у всех, кто его демонстрирует; и, в-третьих, увеличивают ли и побуждают институциональные модели ненор-

мальные склонности у руководителей государства? Чтобы дать ответ на эти вопросы, мы должны рассмотреть проблему с другой её стороны и изучить типы руководства, которые существуют в современных демократиях, а также их совместимость с устоявшимися социальными отношениями.

Всякая классификация общественной провинности должна включать в себя большинство, если не все из известных проявлений расстройств поведения, поскольку преступное поведение может возникать в широком наборе условий. Всё больше признаётся тот факт²⁵, что отнюдь не все правонарушители и тем более не все преступники могут быть признаны имеющими психические отклонения. Наша важнейшая проблема – «не-нормальный и не-ненормальный» индивид. Однако некоторые явные примеры нестабильности психики являются довольно частыми причинами антиобщественного поведения. Органические психозы в силу их медленного развития в ранее нормальных личностях легко приобретают общественную значимость – едва ли шизофрения в своих крайних формах совместима с политической активностью, хотя такое случается в случаях с влиятельными религиозными или квазирелигиозными пророками. Маниакально-депрессивные психозы совместимы с активным и внушительным участием в общественной жизни – они могут негативно влиять на рассудительность, особенно в своих умеренных формах, не будучи замеченными пациентом или его

коллегами, а циклическая депрессия в критических точках, как утверждают, вызывала провалы кампаний. Параноидные, истерические и навязчивые модели поведения, вероятно, также имеют очевидную общественную значимость: однако наиболее существенными в плане современной политики являются различные психопатические личности, ещё не доходящие до психоза, но уже безусловно страдающие неврозами. Даже человек с крайней степенью умственной неполноценности благодаря своей беспрекословной преданности, а также и «нравственно неполноценный», но не окончательно опустившийся человек могут занимать определённые должности в структуре общества.

Неадекватный психопат может дрейфовать в сторону преступления, но гораздо менее вероятно, что этот дрейф приведёт его к занятию должности, поскольку дрейф – неудовлетворительный способ продвижения по службе в конкурентном обществе. Там, где он несёт ответственность, будучи нейтральной третьей стороной между агрессивными оппонентами, уравнивающими один другого, как это бывает в профсоюзе или на национальных выборах, он может набрать популярность, прослав покладастым, гениальным и внешне общительным человеком, чья безмятежность и эмоциональная тупость могут быть приняты за глубину ума. Будучи неспособным совладать с кризисами или неудовольствием среди коллег, от которых он зависит, и которые, возможно, ему льстят, в неотложной ситуации он может бе-

шено стараться наладить контроль или отвечать агрессией загнанного в угол кролика. За последние годы несколько подобных персонажей промелькнуло на политической сцене, при этом срок их жизни при демократических порядках был, пожалуй, дольше, чем при тираниях, поскольку они оказались не столь предсказуемы, как их правоверные приспешники.

Агрессивный эгоцентрик – вот куда более типичная фигура в политической борьбе. Антиобщественная сущность подобных субъектов заключается как в их мироощущении, так и в нескрываемом поведении – они тщеславны, амбициозны, деспотичны и нетерпимы.

Это не только вопрос степени, которая отделяет нормальное от ненормального, но и того факта, что эмоциональная нестабильность и неспособность извлечь выгоду из опыта делают поведение агрессивной, эгоцентричной психопатической личности непредсказуемым, ненадёжным и часто опасным. Качества, которые требуют твёрдого руководства, если вы рассчитываете на успех, оказываются неконтролируемыми и действуют во вред как самому человеку, так и обществу²⁶.

Люди такого типа, обладающие средствами управления и высоким интеллектом, легко продвигаются к господствующим постам – они прирождённые боссы, для которых статус неоспоримого лидера является главной целью в жизни.

В других случаях целью может являться достижение высоких позиций в бизнесе из корыстных побуждений, при условии, что недобросовестность этих личностей и их не критическая оценка собственных возможностей не приведут к неприятностям. Наступление тоталитарного порядка значительно расширяет радиус беспорядочного поведения такого типа, вполне совместимого с высокими политическими должностями, – эгоцентрик, способный достаточно принорочиться к вышестоящему и более успешному эгоцентрику, будет весьма высоко цениться за свою тупость, отсутствие сентиментальности и агрессивное отношение к ниже стоящим.

Люди, отклоняющиеся в этическом отношении, характеризуются полным отсутствием или серьёзным повреждением чувства моральной ответственности, которое может соседствовать с острым интеллектом и кажущейся разумной, внушающей доверие внешностью, становятся опасными и неумолимыми преступниками, но в основном предпочитают действовать в одиночку²⁷ и в качестве политических фигур скорее возникают на гребне волны революционного насилия, чем в ходе нормальных выборных процедур; одно лишь пренебрежение к моральным стандартам ещё не является достаточным поводом для включения кого-либо в эту группу, а случаи реальной нравственной отсталости достаточно редки. По крайней мере некоторые из них являются результатом органического психоза – тогда как другие рассматрива-

лись как конституционально ненормальные²⁸. Бывали случаи, когда подобные личности получали наследственный или даже выборный пост – такой диагноз некоторые исследователи ставили императору Калигуле.

Среди этих типов агрессивный и стяжательский безогорочно являются самыми вероятными для плетения интриг и занятия высоких должностей. Границы, в пределах которых они способны это делать, зависят от модели общества. На ранних стадиях индустриализации преобладал стяжательский тип психопата, обнаруживший для себя готовое свободное пространство посреди экспансии промышленности, коммерции и финансов. Его появление, по сути, стало знаком для принятия первых законов, призванных дать гарантии его финансовым жертвам, а позднее также и законов о контроле за условиями занятости в промышленности. Увеличившиеся возможности корыстных правонарушений в централизованных обществах форсировали расширение политического контроля вплоть до этого предела. Изменения в институтах и экономическом положении Британии уже серьёзно уменьшили эту возможность. Умышленные правонарушители стяжательского типа, вероятно, нашли для себя более подходящий выход в преступлениях или граничащих с преступными действиях, и денежные выгоды политики едва ли для них привлекательны. Однако здесь, как и бывает обычно в таких случаях, финансовый успех – это скорее средство, а не цель сама по себе, и его достижение мотивиро-

вано желанием наслаждаться властью и безопасностью, сопровождающей богатство, бухгалтерская оценка здесь, скорее всего, не к месту. Власть в своей тоталитарной форме казалась обеспечивающей адекватные награды для удовлетворения и тщеславия, и жадности – медали Геринга и его коллекция картин, по сути, относятся больше к попытке бахвальства, нежели к алчности скопидома. Стяжательство ради самого стяжательства – это, вероятно, сравнительно редкая форма преступности.

В послевоенном английском обществе психопаты власти-стяжателя типа, по всей видимости, процветают на периферии органов власти, скорее, в качестве посредников и агентов влияния, нежели как законодатели внутри них. В Америке сохраняется прежняя модель конкуренции бизнеса, и эгоцентричный психопат стал моделью для широко распространённого национального мифа об успехе. В силу своего героического статуса подобные личности могут вмешиваться в политику для гарантирования своих интересов или удовлетворения своих амбиций с большей лёгкостью, чем это возможно в Британии, где общество относится к ним с меньшим пиететом.

Примечания к разделу «Психология»

1 См.: *Fox D. Anarchism and Psychology* (2011), www.theanarchistlibrary.org. «Анархисты, вероятно, уделяли

второстепенным проблемам революции больше внимания, чем любое другое революционное движение» (см.: *Bookchin M. Introduction*// *Bookchin M. Post-Scarcity Anarchism*. P. 19).

2 См.: *Peris F., Hefferline R., Goodman P. Gestalt Therapy: Excitement and Growth in the Human Personality*. New York: Julian Press, 1951. Гудман написал второй том “Novelty, Excitement, and Growth”.

3 См.: *Gross O. Selected Writings, 1901–1920* / Trans. L.L. Madison. Hamilton, New York: Mindpiece, 2012; *Gross O. Overcoming Cultural Crisis* (1913) / *Documentary History*, 1. P. 281–284; *Jung C.G. Psychological Types* / Trans. H.G. Baynes, rev. R.F.C. Hull. Princeton, Newjersey: Princeton University Press, 1976. P. 101–111 (в этой кн. Юнг признаёт влияние Гросса). Существует Международное общество От-то Гросса: www.ottogross.org. Гросс и Юнг являются главными героями фильма «Опасный метод» (2011).

4 Наир.: *HongN. Constructing the Anarchist Beast in American Periodical Literature, 1880–1903* // *Critical Studies in Mass Communications*, 9 (1) (1992). P. 110–130; сокр. переизд.: *HongN. The Anarchist Beast*. Berkeley, California: LBC Books, 2011. Среди примеров навешивания ярлыка «безумцев»: *Anarchist Peril: Psychology of the Anarchist* / Trans. J.-P. Cortane. Vancouver, Canada: Pulp Press, 1973; сокр. версия кн.: *Dubois F. The Anarchist Peril* / Trans. & ed. R. Derechef. London: T. Fisher Unwin, 1894. «Литература об анархистах, написанная капитанами полиции, журналистами, судьями

и случайными обозревателями, огромна» (см.: Foreword // *Patterns of Anarchy*. P. xvi). Крайне неисторично в наше время винить в перманентной непопулярности анархизма терроризм конца XIX в., как это делает Колин Уорд, см.: *Ward C. Anarchism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 12–13. Большевики и сионисты были террористами, однако они стали популярными и остаются такими для некоторых до сих пор.

5 Одним из занимавшихся этим вопросом был Этьен де ла Боэси (1530–1562). См. его кн.: *Ла Боэси Э. де*. Рассуждение о добровольном рабстве / Пер. с фр. М.: АН СССР, 1952 (впервые опубл. в 1574 г.). Он был другом Мишеля Монтеня. Под конец своей недолгой жизни стал консерватором и видным юристом.

6 См.: *Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row, 1974; *Lombardo L. The Lucifer Effect: How Good People Turn Evil*. New York: Random House, 2006.

7 См.: *Райх В.* Психология масс и фашизм / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб.: Университетская книга, 1997; *Brinton M. [Christopher Pallis]. The Irrational in Politics: Sexual Repression and Authoritarian Conditioning* (2d ed.; London: London Solidarity, 1975), reprinted in: *For Workers' Power: The Selected Writings of Maurice Brinton* / Ed. D. Goodway. Oakland, California: AK Press, 2004. P. 257–292; *Voyer J.-P. Reich: How to Use*. Trans. K. Knabb. Berkeley, California:

Bureau of Public Secrets, 1973. Райх также писал на эту тему, более популярно, но и более параноидально в кн.: *Райх В.* Посмотри на себя, маленький человек! / Пер. с нем. А. Шмониной. М.: Мир Гештальта, 1997- Анархисты того времени практически полностью игнорировали Райха. Редким исключением был анархист с инициалами “Н.Р.” (вероятно, нем. анархо-синдикалист Гельмут Рюдигер), ценивший исследования Райха по сексуальности, но полагавший, что тот, будучи коммунистом, не смог прийти к должным социально-революционным выводам, см.: *Wilhelm Reich and the Mass Psychology of Fascism (1935) // Documentary History, 1. P. 444–448.*

8 См.: *Адорно Т.В.* Исследование авторитарной личности / Пер. с нем. М. Кондратенко, М. Поповой, общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001 (впервые опубл. в 1950 г.).

9 См.: *Фрейд З.* Недовольство культурой // Фрейд З. Психопсихология. Религия. Культура / Пер. с нем., сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1992. Вполне возможно творческое неверное прочтение этой кн., как у сюрреалистов (см.: *Cafard M. [John Clark]. The Politics of the Imagination // Cafard M. The Surre(gion)alist Manifesto and Other Writings. Baton Rouge, Louisiana: Exquisite Corpse, 2003. P. 23–24).*

10 См.: *Read H.* Poetry and Anarchism. London: Faber & Faber, 1938. P. 80.

11 См.: *Skinner B.F.* Walden Two. New York: Macmillan

Со., 1962 (впервые опублик., в 1948 г.). Бихевиористская утопия оказывается не столь отталкивающей, как это может показаться на первый взгляд. Некоторые коммуны хиппи черпали вдохновение из этой кн., см.: *Sargent L. T. Utopia and the Late Twentieth Century: A View from North America // Utopia. The Search for the Ideal Society in the Western World / Ed. R. Schaer, G. Claeys, L. T. Sargent. New York: Oxford University Press, 2000. P. 334.*

12 См.: *Зерзан Дж. Психология масс и страдание // Зерзан Дж. Первобытный человек будущего / Сост., пер. с англ. и примеч. А. Шеховцова; общ. ред. Д. Каледина. М.: Гилея, 2007. С. 94.* Психологическое Сообщество ещё называют Терапевтическим государством, см.: *Szasz T. The Therapeutic State: Psychiatry in the Mirror of Current Events. Buffalo, New York: Prometheus Books, 1984; Polsky A. J. The Rise of the Therapeutic State. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.*

13 См.: *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (5th ed.; Washington, DC: American Psychiatric Association, 2013).*

14 См.: *Allen F. Diagnosing the D.S.M. // New York Times (New York ed.). 2012. May 11, A19.* Здесь у меня нет места для обсуждения этого вопроса или даже для цитирования обширной литературы, критикующей DSM-5 и его предшественников с научных позиций.

15 См.: *DSM-5, 313.81 (F 91.3), images/*

pearsonclinical.com.

16 См.: *Ломброзо Ч.* Анархисты // Ломброзо Ч. Преступный человек / Пер. с итал. С. Раппопорта, Н. Житковой и др. М.; СПб.: Эксмо; Мидгард, 2005. С. 245. На англ. это исследование доступно на сайтах www.theanarchistlibrary.org и www.marxists.org – на первом эта работа размещена с иронией, тогда как на втором вполне серьёзно. См. также: *Shantz J.* Lombroso's Anarchy Problem (2014), jeffshantz.ca.

17 См.: *Зерзан Дж.* Психология масс и страдание. С. 95. Сам Зерзан тоже отнюдь не чурался медиализирования политического. Подзаголовок одной из его кн. – «патология цивилизации», см.: *Zerzan J.* Running on Emptiness: The Pathology of Civilization. Los Angeles, California: Feral House, 2002. Я не уверен, но кажется, это название – «бегство в пустоте» – он стащил у меня.

18 См.: *Goodway D.* Introduction // Against Power and Death: The Anarchist Articles and Pamphlets of Alex Comfort // Ed. D. Goodway. London: Freedom Press, 1994. P. 8; *Marshall P.* Demanding the Impossible. P. 594–597; *Ward C.* Anarchism: A Very Short Introduction. P. 72–73.

19 См.: *Comfort A.* The Joy of Sex. New York: Crown Publications, 1962. В сиквеле “More Joy: A Lovemaking Companion to The Joy of Sex” (London: Quartet, 1973). Комфорт отчётливо увязывает «антисексуальность» и авторитаризм, как это задолго до него делал и Райх в своей кн. “Barbarism and Sexual Freedom” (London: Freedom Press,

1948).

20 См.: *Reiwald P.* Society and its Criminals / Trans. & ed. T.E. James. London: W. Heinemann, 1949.

21 См.: *Sandys J.E., ed.* A Companion to Latin Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1929.

22 См.: *Lancet*. 1946. 10 August.

23 См.: *Mumford L.* The Culture of Cities. London: Seeker & Warburg, 1938.

24 В предвоенной Англии 70 % персонала тюрем набиралось из рядов Вооружённых сил (Rep. H.M. Prison Commiss., 1939-41.) Предположительно большинство из них были бывшими военнослужащими регулярных частей.

25 См.: *East N.* Society and the Criminal. London: H.M.S.O., 1949.

26 Ibid.

27 Ibid.

28 См.: *Henderson D.K., Gillespie R.D.* Textbook of Psychiatry. Sixth ed. London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1944.

II. Работа

Критика работы – работы как таковой – обычно не была яркой у классических анархистов. В основном они заимствовали социалистическую и марксистскую критику «наёмного труда». В этом заключалась некоторая ирония, поскольку Маркс взял многое в этой части своей экономической теории, касающейся прибавочной стоимости и технологии, от анархиста Пьера-Жозефа Прудона, не признаваясь в этом¹. Впервые, в довольно причудливых терминах, критика работы была сформулирована так называемым утопическим социалистом Шарлем Фурье², а позднее, более реалистично, марксистом Уильямом Моррисом. Работа – тот её объём, который нам требуется, – должна была быть превращена в набор повторяющихся, приятных досугов, который я назвал продуктивной игрой³. Похожая идея есть и у Прудона⁴. Камилло Бернери поддержал эту идею, используя язык в духе Уильяма Морриса в 1938 году⁵.

Но эта идея не вошла в анархистский канон. Генри Дэвид Торо, американский анархо-индивидуалист, продолжил развивать некоторые аспекты критики работы в 1855 году⁶. Для Луиджи Галлеани работа была «неизбежной необходимостью»⁷. Для Исаака Пуэнте при либертарном коммунизме

«...также и экономическая необходимость будет побуждать каждого кооперироваться в производстве, но это будет такая экономическая необходимость, которую будут ощущать все дееспособные граждане»⁸. По выражению Николаса Уолтера: «У анархистов есть две характерные идеи насчёт работы: первая заключается в том, что большинство работ являются неприятными, но [они] могут быть организованы так, чтобы стать более сносными или даже приятными; а вторая – что вся работа должна быть организована людьми, действительно её делающими»⁹. Для князя Петра Кропоткина в работе единственно неправильным является только переработка и плохая организация работы¹⁰.

Порой анархисты превосходили марксистов в своём прославлении труда. Бакунин, как всегда помпезно, провозглашал в 1866 году: «*Труд* — основа достоинства человека и его права, ибо лишь свободным разумным трудом творит человек цивилизованный мир, сам, как творец, отвоёвывая у внешнего мира и у собственной животной природы своё человеческое естество и своё право»¹¹. По словам Эррико Малатесты, он и его старый друг Кропоткин «превозносили с вескими основаниями поучительное воздействие работы»¹². Они были коммунистами. Синдикалисты были хуже. Впрочем, они всегда хуже. До и во время Испанской революции (1936–1939) «восславляя труд как освобождение, доминирующие направления анархизма, а потом анархо-синдикализ-

ма привели не только к признанию индустриализации, но и к её продвижению»¹³. При министре юстиции Гарсиа Оливере – знаменитом анархистском повстанце – республиканское правительство организовало принудительные трудовые лагеря, охрана которых набиралась из членов CNT⁵, это было «экстремальное, но логичное выражение испанского анархо-синдикализма»¹⁴. В 1950-х годах некоторые итальянские операисты выражали негодование из-за того, что анархисты «провозглашают свободу всякого человека работать когда угодно, как угодно и чем угодно, как и свободу не работать вовсе»¹⁵. Анархисты не предлагали рабочим чего-то существенно большего, чем марксисты.

В 1985 году я написал статью «Упразднение работы». Этот текст был напечатан в Сан-Франциско как памфлет. В следующем году он вышел уже как заглавное эссе моей первой книги¹⁶. Он не был ярко анархическим, но анархисты и прочие начали переиздавать его. Он был переведён как минимум на пятнадцать языков. На меня повлияли такие анархисты, как Джон Зерзан и Фредди Перлман. А также – и даже в большей степени – Шарль Фурье, Уильям Моррис, Иван Иллич и другие. Возможно, я даже могу припомнить что-то из старых работ Мюррея Букчина: «У меня есть подозре-

⁵ Confederación Nacional del Trabajo – Национальная конфедерация труда, крупнейшая анархо-синдикалистская профсоюзная организация в республиканской Испании.

ние, что рабочие, когда в их среде начинается революционное брожение, станут требовать даже большего, чем контроля над заводами. Я полагаю, что они будут требовать уничтожения тяжёлой работы, или, что то же самое, свободы от работы»¹⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.